

Слом иерархий: блогеры обживают реал

Литературные итоги 2019 года

В этом номере — размышления Евгения АБДУЛЛАЕВА, Ирины БОГАТЫРЁВОЙ, Ольги БРЕЙНИНГЕР, Сергея ЛЕБЕДЕНКО, Ильи ОДЕГОВА, Алексея ПОЛЯРИНОВА, Валерии ПУСТОВОЙ, Алексея САЛОМАТИНА

По традиции мы предложили участникам заочного «круглого стола» три вопроса:

1. Каковы для Вас главные события (в смысле — тексты, любых жанров и объемов) и тенденции 2019 года?
2. Удалось ли прочитать кого-то из писателей «ближнего зарубежья»?
3. Наиболее продуктивные, на Ваш взгляд, литературные полемики и дискуссии этого года.

Впервые в обсуждении участвуют не только писатели и литературные критики, но и книжные блогеры.

Евгений Абдуллаев, поэт, прозаик, литературный критик (г.Ташкент)

«Разделение проходит по линии "кто кого в соцсетях лайкает"»

1. Как всегда — потери и приобретения, приобретения и снова потери. Среди потерь — три закрывшихся журнала, «Арион» (главная), «Номо legens», «Стороны света». Новые зубы (журналы) на месте выпавших не вырастают. Возникают, правда, сетевые. «Формаслов» (условные «традиционалисты»), «Грёза» (не менее условные «модернисты»); хотя, если судить по названиям, должно было бы быть наоборот. Впрочем, все уже давно смешалось, и разделение в литературе проходит только по линии «кто к кому на вечера ходит». Или «кто кого в соцсетях лайкает».

Заменят ли сетевые журналы — уходящие «бумажные»? Не уверен. Любопытно, впрочем, что «бумажные» были проектами старших литературных поколений, а новосоздаваемые «сетевики» — младших: тех, кому под или немного за тридцать.

Эту же тенденцию — приход тридцатилетних — демонстрируют и премиальные списки года. Григорий Служитель (1983), победивший со своим «Савелием» во всех мыслимых и немыслимых номинациях. Евгения Некрасова (1985) с «Калечиной-Малечиной» в «шортах» «Нацбеста» и «Большой книги». Вячеслав Ставецкий (1986) с «Жизнью А.Г.» в шортах «Ясной поляны» и, опять же, «Большой книги». Да, и победитель «Ясной поляны» Сергей Самсонов (1980) — тоже пока еще тридцатилетний.

И еще два имени, из этой же генерации, менее в 2019-м прозвучавшие, но не менее интересные. Евгений Никитин, чей «антироман»-сага «Про папу» вошел в «лонг» «Новой словесности»; тут недавно Анастасия Завозова в «Эсквайре» писала, что у нас с докурманами напряженка, так вот, пожалуйста, отличный докурман, с такой документальностью в повествовании о родных и знакомых, что иногда даже слегка неловко делается. (В этом же жанре — и свежевывшедшая «Ода к радости», долгожданный — мною — прозаический дебют Валерии Пустовой; но ее только начал читать). И второе имя — Александра Зайцева, финалист премии имени Крапивина, роман «Девочке на шаре всё нипочём»; висит в Сети, а на следующий год должен выйти в «Самокате»; тоже рекомендую.

2. «Ближнее зарубежье» читаю — хотя бы потому, что читаю «Дружбу народов». Здесь, конечно, открытие номер раз — Ольгерд Бахаревич, отрывок из «Собак Европы», в третьем номере. А потом и весь роман, изданный «Временем» и вошедший — скорее, влетевший, — в «шорт» «Большой книги». Была бы жива «Русская премия» — однозначно первое место. Но и без этого обратил на себя внимание — добротная европейская проза, такой у нас не много. (Белоруссия, похоже, и в литературе осваивает нишу реэкспорта).

Другая важная книга — «Три церкви» Ованеса Азнауряна, также выходящая отрывком три года назад в «Дружбе», а в прошлом году — целиком в «Эксмо». Неторопливая, эпическая по тону. Движение героя — такого вот «облака в штанах» — по Армении: сосчитать все ее церкви и монастыри. Параллельно — история его рода, семейная сага.

И, конечно, ближайшие мои соседи, казахские авторы. Год у них выдался просто сказочный. Юрий Серебрянский дописал и доработал роман-сказку Бахытжана Мамышулы (1941—2012) «Чёрная Звезда» и издал в Алма-Ате («Книжный клуб»). У другой пары соавторов, Ксении Земсковой и Елены Клепиковой, в московском «Издательском Доме Мещерякова» вышла детская повесть «Кроль Королевы, или Времена перемен». Также отчасти сказочная, с ожившей игрушкой по имени Ольфинок, бассейном, подростковыми дружбами...

Анонсом еще отмечу два поэтических сборника алматинских поэтов — билингву «Бумажная кожа / Paper-thin skin» Айгерим Тажи (Zephyr Press, издававшее также переводы Гандлевского, Степановой, Айги...) и «Трюк драматурка» Ербола Жумагула. Подробнее о них надеюсь рассказать в ежегодном «дружбинском» обзоре.

3. А вот с этим — туго. И с полемиками, и с дискуссиями. Да еще — с продуктивными. С одной стороны — чинное, с близоруким прищуром, желание раскланяться сразу со всеми — в «толстых» журналах. С другой — хамоватые «посты» в соцсетях, с последующим топотом набежавших «френдов» и не-«френдов» и забрасыванием друг друга виртуальными экскрементами. Основной упрек здесь, конечно, «толстякам»: с соцсетей спрос невелик, там каждый самовыражается, как может. Впрочем, литературное пространство сегодня настолько фрагментировано, что полемика в нем мгновенно уходит в «вату»; на другом полюсе тебя, скорее всего, даже не услышат. А услышав, не поспешат ответить. Зачем? Ради чего биться лбами,

писать длинные и не очень ответы? Ни славы, ни денег, ни мороженого. Гораздо уютнее внутри своей тусовочной пещерки.

Пожалуй, единственное поле, где еще происходит полемика (и с другими и друг с другом) — проект Игоря Дуардовича «Лёгкая кавалерия», переехавший из «Новой Юности» в «Вопросы литературы». И отдельные дискуссионные материалы, появляющиеся стараниями Бориса Кутенкова на «Текстуре». «Редактирование поэтического текста: насилие или помощь?»; «Ранняя смерть поэта: границы понятия»... Но все это — если не капля в море, то какое-то одинокое течение, едва волнующее окрестные вязко-болотистые воды. Увы.

Ирина Богатырёва, прозаик (г. Москва)

Блогеры и графический роман: новые языки литературы

1. Я не литературный критик, поэтому мое чтение (а следовательно — и итоги этого чтения) очень личные и, как у любого «нормального» читателя, выстраиваются по внутренним темам и интересам, и могут не соответствовать общелитературным тенденциям. Так, в каком-то смысле «темой года» для меня стала актуализация темы ГУЛАГа. Её открыл роман А.Етоева «Я буду всегда с тобой» («Азбука-Аттикус») — роман виртуозный, поражающий мистически мерцающим языком, образностью, почерпнутой из ненецкого фольклора, удивительной атмосферой, в которой не страшно находиться, несмотря на все ужасы, которые происходят по ходу повествования. Правда, именно это «не страшно» в описании жизни лагеря стало для меня читательской проблемой, с которой не удалось справиться до конца и которая осталась фактором сложного отношения к тексту. У Етоева лагерь по-сказочному лубочен. Он как бы не совсем лагерь, а так — место временного пребывания людей, где играют в футбол и занимаются художественной самодеятельностью. Впрочем, это в логике книги, которая скорее мистический, чем исторический реализм. (Я уже писала об этом романе в «Новом мире» — № 5, 2019 г.)

Исторического же реализма со всеми ужасами лагерного бытия предостаточно в другой книге, о которой я узнала только в этом году, — Георгия Демидова «Чудная планета» (М.: «Возвращение», 2011 г.). Сборник рассказов автора, прошедшего ГУЛАГ, и в то же время не потерявшего веру в человеческое достоинство — то, против чего в первую очередь была направлена эта сталинская машина. Персонажи Демидова — личности, несмотря ни на что. Талантливые каждый по-своему, они брошены в мясорубку, потому что слишком неудобны государству. Но даже те персонажи, которые должны бы быть противны и автору, и читателю: начальники, вохра, уголовники, — получаются у Демидова объемными, интересными и вызывают

1. Каковы для Вас главные события (в смысле — тексты, любых жанров и объемов) и тенденции 2019 года?

сострадание. Что говорит не только о писательском таланте, но и об авторе как настоящем Человеке, знакомство с которым всегда важно для тебя самого.

В переводной литературе для меня автором года стал Давид Гроссман, которого я полюбила несколько лет назад за роман «С кем бы побегать». В этом году переведены две его новые книги — «Бывают дети-зигзаги» («Текст») и «Как-то лошадь входит в бар» («Эксмо»). Но если первая книга, позиционируемая как книга для подростков, — это яркое повествование, которое читаешь на одном дыхании, полное юмора и глубокого понимания психологии, то вторая мне показалась не такой интересной. Впрочем, возможно, все дело в менее гибком переводе: роман построен на игре слов и приправлен большим количеством армейского израильского сленга, который переводчик увел в сноски, не потрудившись подобрать аналоги из русского языка. Хотя предсказуемо более пристальный интерес литературной общественности вызвала именно эта, «взрослая» книга — и это меня расстраивает.

Что же касается собственно детской литературы, то для меня самая яркая книга года — комикс Алексея Олейникова и Тимофея Яржомбека «Соня из 7 буэ» («Белая ворона»). Можно как угодно относиться к комиксам и графическим романам (кстати, тоже тренду этого года, судя по ярмарке Нонфикшн, где жанру была отведена отдельная секция), но лучшего выражения внутреннего мира современной девочки-подростка, нежели красно-черные картинки и порой абсурдистские тексты к ним сложно представить. Учеба, отношения с учителями и сверстниками, собственное взросление и связанное с ним понимание самой себя, — все это прекрасно уместилось в книге, не хуже, чем в привычный роман. Любопытна реакция читателей: дети в восторге, а вот у взрослых, особенно учителей, «Соня» вызывает неоднозначные оценки — и, как мне кажется, это говорит о том, что авторы нашли правильную форму: яркую, скандальную и интересную. А иначе и не стоило бы за этот жанр браться.

2. В этом году со мной поделился рукописью пока не опубликованного романа живущий в Алма-Ате Михаил Земсков. «Новейший завет. Рассказ об улетевшем» — это тематическое продолжение романа Михаила «Сектант», вышедшего в издательстве «Эксмо» несколько лет назад. Люди в духовном поиске и «духовные спекулянты», кто пытается на них «нажиться» в самом широком смысле этого слова; пророки и лжепророки, есть ли между ними различие и к каким последствиям приводит вера в тех и других, — все эти важные для автора вопросы находят новое преломление. В начале тысячелетия проблема сектантства была крайне актуальна для России, но кажется, ее острота притупилась в 20-е годы XXI века. Однако роман Михаила Земскова интересен не столько социальной стороной этого вопроса, но в первую очередь той составляющей, которая не подвержена времени: необходимость для человека веры как таковой.

Надеюсь, что в будущем году роман будет опубликован.

3. Еще с прошлого года, когда была учреждена премии «Литблог», началось пристальное внимание к литературным блогам. В этом году, как мне кажется, тенденция получила продолжение: прошла конференция с симптоматичным названием «Литературная инклюзивность: критики, блогеры и толстые журналы», на Нонфикшене был круглый стол, посвященный блогам. Т.е. вопрос остается актуальным: смогут ли блогеры стать новой формой критики, как графический роман — новой формой литературы, или это только попытка заигрывать с публикой?

2. Удалось ли прочитать кого-то из писателей «ближнего зарубежья»?

3. Наиболее продуктивные литературные полемики и дискуссии этого года.

Впрочем, пока сохраняется ощущение, что блогеры, рекомендательные критики и критики-аналитики продолжают говорить на разных языках как в своем основном жанре, так и на этих мероприятиях — слишком разный подход к вопросу, слишком разные цели и, как следствие, методы. Мне же, как автору, а вовсе не критику, просто интересно следить за этой дискуссией: глядишь, из нее что-то и выкристаллизуется в итоге.

Ольга Брейнингер, прозаик, литературовед (г.Бостон/Москва)

«Пришло время диалога»

1. 2019-й год, на мой взгляд, оказался одним из самых интересных и необычных литературных сезонов последних лет. Начался он для меня с объявления длинного списка премии «Нацбест», куда впервые за долгое время попало огромное количество новых авторов поколения нынешних тридцатилетних.

Тенденцию подхватила «Большая книга», на недавнем вручении которой на сцене среди финалистов оказались сразу несколько молодых авторов. Я очень рада за лауреата Григория Служителя и также болела за Вячеслава Ставецкого и Евгению Некрасову.

И, пожалуй, самое важное литературное событие года для меня — учреждение премии «ФИКШН35» (где читатели до 35 обсуждают и выбирают лауреата из своих ровесников — авторов до 35) и короткий список этой премии. Я думаю, что нынешний год для современной литературы переломный. В следующем году жду больше новых текстов от поколения тридцатилетних.

Важными для меня в этом году, кроме уже упомянутых «Жизни А.Г.» Вячеслава Ставецкого, «Калечины-Малечины» Евгении Некрасовой и «Дней Савелия» Григория Служителя были книги Булата Ханова («Гнев»), Степана Гаврилова («Опыты бесприютного неба»), Константина Куприянова («Желание исчезнуть»), Алексея Поляринова («Почти два килограмма слов»), Кристины Гептинг («Сестрёнка»), Артемия Леонтьева («Варшава, Элохим!»), Арины Обух («Муха имени Штиглица»), Павла Селукова («Добыть Тарковского»), Дмитрия Захарова («Средняя Эда») и Михаила Елизарова («Земля»). В жанре нон-фикшн отдельно отмечу «Форпост. Беслан и его заложники» Ольги Алленовой.

3. Наиболее острой и интересной для меня продолжает оставаться дискуссия о блогерах и феномене литературного блогерства как таковом. Я рада, что проекты «Дружбы народов» — наша рубрика «Блог-пост», премия «Блог-пост» и проведенная в ноябре конференция «Литературная инклюзивность: критики, блогеры и толстые журналы» — внесли заметный вклад в развитие этой дискуссии и в утверждение статуса блогера. Собственно, переформатирование колонки «Блог-пост» в 2020 году связано именно с тем, что спорить о блогерах, на мой взгляд, уже не совсем актуально — пришло время диалога. В этом году жду в рубрике «Блог-пост» приглашенных авторов-блогеров.

1. Каковы для Вас главные события (в смысле — тексты, любых жанров и объемов) и тенденции 2019 года?

*Сергей Лебеденко, журналист, книжный блогер,
создатель телеграм-канала «Книги жарь» (г.Москва)*

«"Литература-1" не нужна "Литературе-2"»

1. Важнейшими текстами в этом году, безусловно, стали тексты Ивана Голунова, вокруг его дела, репортажи, посвященные «московскому делу» и делу сестер Хачатурян, и тексты, которые так или иначе пытаются эти события осмыслить. Это и нон-фикшн работы вроде «Невиновных под следствием» Алексея Федярова, и поэзия — стихи Оксаны Васякиной, Дарьи Серенко, Галины Рымбу и других, посвященные домашнему насилию и его преодолению, и тексты чисто художественные. Прекрасный портрет эпохи кремлевских политтехнологов и ресурсно-сословной экономики изобразил Дмитрий Захаров в «Средней Эдде». Дмитрий как бы в шутку говорит, что после этого текста его не возьмут работать в политическом пиаре, даже если бы он захотел, но воспринимать это заявление стоит серьезно: до Захарова никому в общем-то не приходило в голову, что, чтобы описать нашу политическую реальность, писатель должен зайти в высокие кабинеты и описать, что там происходит. Опыт Захарова позволил ему сделать это выразительно и при этом увлекательно.

Из нон-фикшна я бы отметил также «Форпост. Беслан и его заложники» Ольги Алленовой — блестящую работу спецкора «Коммерсанта». Год назад писатель и блогер Алексей Поляринов задавался вопросом: где же авторы, которые попытались бы осмыслить травмы постсоветской России? «Форпост» можно назвать невольным ответом. Алленова не просто детально восстанавливает картину событий и вопросы, на которые не удалось ответить официальному расследованию, но и вскрывает глубинную проблему: отношения центра и периферии, конфликт прав человека и государственных интересов. При этом книга свободна от наставления и патетики: Алленова вспоминает, как переживала события теракта лично, делится своими переживаниями, опрашивает свидетелей теракта и бесланских матерей, и эта личная оптика, попытка с помощью текста о травме общественной проработать травму личную позволяет Алленовой задавать по-настоящему острые вопросы: как так получилось, что спустя пятнадцать лет матери не знают, что погубило их детей? Как мы позволили себе забыть?

Из фикшна я бы отметил незаслуженно упущенные премиями роман «Калечина-Малечина» и сборник «Сестромам» Евгении Некрасовой — выдающиеся по мастерству сторителлинга и писательской пронизательности тексты — и роман Линор Горалик «Все способные дышать дыхание». Мне кажется этот текст важным не только потому, что дает голос животным и таким образом вписывается в экологический и спекулятивный поворот в сегодняшнем философском и научном дискурсе, но и потому, что это попросту текст о том, как важна эмпатия — как важно проникнуться сочувствием даже к тем существам, которые, казалось бы, никакого сочувствия вызвать не могут. «Эмпатия» вообще становится одним из главных слов уходящего десятилетия — думаю, как раз потому, что нам в повседневной жизни и нынешней милитаризованной и пропитанной госпропагандой культуре ее как раз не очень хватает, хотя со всех

2. Удалось ли прочитать кого-то из писателей «ближнего зарубежья»?

3. Наиболее продуктивные литературные полемики и дискуссии этого года.

трибун нам кричат о необходимости перечитывать русскую классику. Но русская классика в первую очередь и говорила о любви к ближнему — ее-то как раз сегодня и недостает.

Из феноменов отмечу аудио-сериал «Пост» Дмитрия Глуховского — остросюжетный постапокалипсис, выпущенный исключительно в формате аудиокниги сервисом Storytel. Глуховский — писатель-визионер, способный разглядеть тренды прежде всякого аналитика. Его сериал пришелся как раз на небывалый бум аудиоформатов и изобретательно пользуется всеми инструментами своего медиума.

2. Я, к сожалению, мало слежу за литературной жизнью ближнего зарубежья и могу отметить лишь «Рай земной» проживающего в Ташкенте Сухбата Афлатуни. Это смелая попытка скрестить разговор об исторической травме с магическим реализмом, интересная хотя бы тем, что у нас эксперименты с жанрами и логикой повествования писатели проводят нечасто.

3. Меня удивляет острый интерес к теме статуса критика и блогера сегодня. Наверно, дело в том, что мы живем в эпоху кризиса экспертизы практически во всех культурных сферах и литература не перестает быть исключением. Что такое блогинг и критика, как они друг с другом соотносятся и как должны быть выстроены отношения фигур литературного процесса — эти вопросы стали движущей силой большинства полемик, которые мне в этом году довелось наблюдать, что, мне кажется, вскрывает гораздо более важную проблему, чем банальный номинализм. Широкое распространение книжного блогинга как явления — лишь еще один симптом кризиса традиционного книгоиздания. Широкий доступ информации и моделей его распространения вынуждает издателей изыскивать средства на продвижение книг и поиск актуального слова, но литература сегодня как способ времяпрепровождения обзавелась столькими конкурентами, что бороться за читателей становится все труднее. Не говоря уже о том, что распространение электронных книг и сервисов самиздата уже давно сформировало некую «Литературу-2» со своими писателями-звездами, которая абсолютно не зависит от традиционного литпроцесса и больших национальных премий. «Литература-1» не нужна «Литературе-2» — разве что для того, чтобы популярный в сети текст стал доступен на бумаге.

А блогеру не нужен издатель или СМИ — и это делает его свободным экономически и юридически субъектом и самостоятельным игроком на литературном рынке, к чему многие оказались не готовы.

Появление на литературном рынке субъекта, который избегает закрепления своего правового и экономического статуса и при этом непосредственно взаимодействует с аудиторией издательств, порождает определенный невроз и непонимание. Но эта свобода от правовых ограничений играет с блогерами и дурную шутку: некоторые издатели считают вполне приемлемым не спрашивать разрешения и копировать цитату-блерб блогера с одной книги на другую, например, или отказывать в информационной поддержке из-за того, что издателю не понравилось мнение блогера.

Все это тесно связано с системной проблемой в креативных индустриях, в которых работники младшего звена вынуждены перерабатывать и получать мизерные зарплаты, в то время как владельцы компаний и топ-менеджмент получают сверхприбыли и приобретают дорогостоящую недвижимость. Причиной тому: сверхмонополизация литературного рынка, 97 процентами которого владеют две монополии, каждую из

1. Каковы для Вас главные события (в смысле — тексты, любых жанров и объемов) и тенденции 2019 года?

которых раздрает внутренняя конкуренция (одна поглощенная компания переманивает авторов у другой, переработки порождают текучку кадров и проч.).

Все эти проблемы будут решаться уже в начале двадцатых.

Илья Одегов, прозаик (г.Алма-Ата)

«Все соцсети бурлили...»

1. Начну с того, что в 2019 году вышла новая книга стихов Айгерим Тажи «Бумажная кожа/Paper-Thin Skin». И событие это значимо сразу по двум причинам. Во-первых, с момента выхода первой и единственной поэтической книги Айгерим («БОГ-О-СЛОВ») прошло целых 15 лет. Все это время за творчеством Тажи можно было следить по публикациям в журналах, но книг не было. А во-вторых, «Бумажная кожа» вышла в США, в американском издательстве *Zephyr Press* на двух языках — русском и английском (на английский стихи перевел Дж.Кейтс — известный американский поэт и литературный переводчик, переводивший Г.Сапгира, М.Айзенберга, С.Стратановского) и уже получила там, в Америке, две премии — грант от Национального фонда искусств США и премию *Käpylä Translation Prize*. Для литературы Казахстана — это уникальный исторический прецедент, ничего подобного прежде не случалось.

Стихи в книге короткие, но в каждом стихотворении — целый мир: тонкий и сложный, поэтому читать их мне нравится по одному в день, не торопясь, погружаясь все глубже и глубже.

Второе знаковое событие года, которое я хочу отметить — это появление премии «Поэзия». Впервые я увидел среди кандидатов в лауреаты поэтической премии представителей едва ли не всех современных поэтических эстетик, школ и направлений. И несмотря на то что далеко не каждое номинированное на премию стихотворение мне понравилось, я с большим интересом прочел весь «премиальный лист». На мой взгляд, получился отличный срез современной русскоязычной поэзии во всем ее разнообразии. А еще мне очень импонирует, что премия вручалась не за книгу, не за имя, не за статус, а только за одно стихотворение — лучшее стихотворение 2018 года. Обсуждая «Поэзию» в литературных чатах, я голосовал за понравившееся мне стихотворение Дмитрия Веденяпина, который и стал в итоге одним из победителей, чему я очень рад. Кстати, Айгерим Тажи в этой премии тоже засветилась, причем не только в «премиальном листе», но и в двух избранных «десятках лучших» — по версиям ресурса «Год литературы» и газеты «Комсомольская правда».

Назову еще два события. Одно — печальное. Журнал «Арион» в 2019 году прекратил свое существование, и мне кажется, что это не только прецедент, но и подтверждение тенденции: наступает время перемен. А другое событие — приятное. Уже под конец года в Алма-Ате прошел Фестиваль молодой литературы Казахстана, организованный фондом СЭИП и журналом «Дружба народов». Я сам имел

2. Удалось ли прочитать кого-то из писателей «ближнего зарубежья»?

3. Наиболее продуктивные литературные полемики и дискуссии этого года.

непосредственное отношение к проведению этого фестиваля и понимаю, что для целого ряда казахстанских авторов он стал временно открывшимся окном в большую литературу.

2. Да, конечно. Расскажу вкратце о трех книгах, которые произвели на меня наибольшее впечатление.

Проза: Павел Зальцман, «Средняя Азия в Средние века» («Ад Маргинем»).

Думаю, что с учетом того, что Зальцман родился в Молдавии, а большую часть жизни прожил в Казахстане, его можно отнести к писателям «ближнего зарубежья». Зальцман вообще писатель невероятного таланта. И «Средняя Азия» — замечательный роман, пусть и недописанный. Это яркая мистическая фантазмагория, одновременно и по-обэриутски абсурдная, и по-борхесовски метафизичная.

Поэзия: Сухбат Афлатуни, «Русский язык» («Воймега»). Ни для кого не секрет, что Сухбат Афлатуни — псевдоним ташкентского поэта, прозаика и литературного критика Евгения Абдуллаева. Если его романы выходят более или менее регулярно, то поэтических книг не было уже давно. Стихи в «Русском языке» очень разные: тут и медитативные поэмы, и игры со смыслами, и ироничные наблюдения. Меня все время удивляет то, что Евгений, будучи не просто автором, но и критиком — то есть человеком, глядящим со стороны, профессионально разбирающим произведения по частям, — умеет писать стихи не по-редакторски, а интуитивно, с явными откровениями, наитием. Это чувствуется, и именно это делает его стихи такими живыми.

Детская литература: Тоня Шипулина, «Землеройки и Щелезубы» («Абрикобукс»).

Казахстанская писательница Тоня Шипулина написала социально-злободневную и в то же время волшебную сказку о неравенстве и одиночестве. Мне кажется, что это тот самый редкий случай, когда очень важные для осознания детьми вещи о мироустройстве и об отношениях между людьми проговорены безо всякого морализаторства, увлекательно и метафорично. Кстати, за эту книгу Тоня Шипулина получила специальный приз на вручении Международной премии им. В. Крапивина.

3. Пожалуй, самая бурная полемика сопровождала уже названную мной выше премию «Поэзия». Не знаю, насколько эту полемику можно было назвать продуктивной, но она точно притягивала внимание. Все соцсети бурлили. Столкновение мнений, скандалы, споры, словесные дуэли, публичные обсуждения стихотворений из премиального листа... Следить за этим было интересно. А самое главное — в результате такого бурления многие довольно далекие от литературы люди начали читать современную поэзию. И не просто читать, но и говорить о ней, делиться своим читательским мнением. Этот результат, на мой взгляд, уже стоил того, чтобы премию затевать.

Алексей Поляринов, прозаик, переводчик, автор телеграм-канала «Поляринов пишет» и подкаста «Поляринов говорит» (г. Москва)

«Новые тридцатилетние» и повестка новейшей истории

1. 2019 год, мне кажется, стал очень важным для нас, «новых тридцатилетних». Не только литература, но и культура в целом заговорила о «сейчас», о новейшей истории. За примерами далеко ходить не надо — вышла книга «Форпост. Беслан и его заложники» Ольги Алленовой и кроме нее — сразу несколько документальных фильмов Беслане, о «Норд-Осте», о «Курске» — о тех трагедиях, о которых раньше особо не говорили, потому что «не принято» и «все и так все знают». И даже пермские журналисты недавно выпустили фильм о пожаре в «Хромой лошади».

На мой взгляд, это очень важный культурный сдвиг, и он напрямую связан со сменой поколений. Новые тридцатилетние не только не боятся говорить о новейшей истории, но и — в отличие от предыдущих поколений — говорят о ней прямо и открыто, без иносказаний и попыток прикрыть и разбавить свои размышления иронией. Еще в 2017-2018 годах книги Ольги Брейнингер и Анны Немзер с их актуальной и современной повесткой казались чем-то из ряда вон, теперь же в новом контексте они выглядят как первые примеры новой поколенческой прозы, в которой искренность и смелость выходят на первый план, в то время как приемы постмодернизма — ирония и нигилизм — стремительно теряют в цене.

2. Главным открытием года в номинации «ближнее зарубежье» для меня стал Сергей Жадан. Я давно слышал о нем, но до его текстов добрался лишь в 2019-м и уже по первым строчкам понял, что Жадан — одна из самых важных фигур в литературе Восточной Европы, а его «Ворошиловград» настолько хорош, что его хочется абзацами зачитывать вслух друзьям:

«В июне воздух прогрелся, словно армейские палатки, и начиналась теплая пора малоподвижных мужчин на улицах и шумных детей в водоемах. Уже утром стало понятно, что готовиться нужно к жаркому лету, которое будет длиться бесконечно и выжжет всё, что попадет под руку, включая кожу и волосы. И даже летние дожди никого не спасут».

3. Самые интересные дискуссии 2019-го, мне кажется, опять же вращались вокруг современности. Разговоров о «здесь и сейчас» было как никогда много — начиная с выступлений на книжных ярмарках и заканчивая дискуссиями на премии для молодых авторов «ФИКШН35», где сами авторы, критики и блогеры пытались сформулировать, чего они хотят и ждут от современной прозы и как этого добиться. В 2020-м будет особенно интересно понаблюдать за тем, куда эта и ей подобные дискуссии нас выведут.

2. Удалось ли прочитать кого-то из писателей «ближнего зарубежья»?

3. Наиболее продуктивные литературные полемики и дискуссии этого года.

Валерия Пустовая, литературный критик (г.Москва)

«Временное затишье: без идеологии, без иерархии, без борьбы...»

Этот год запомнится мне катастрофой и обновлением того, в чем я выросла и чем жила как человек литературы. Выходит последний номер «Ариона», взял долгую паузу родной «Октябрь», где я проработала с 2005 года, и в этот же год журналы «Дружба народов» и «Вопросы литературы» собирают конференцию «Литературная инклюзивность», на которой о будущем толстых журналов, критики и чтения говорится не с оптимизмом — это было бы голословно, а прямо-таки со знанием того, как на это будущее повлиять из нашего сейчас. Название конференции не обмануло: в течение целого дня лекций и дискуссий только однажды я отметила проклюнувшиеся было нотки противостояния — между редколлегиями новых литературных журналов «Незнание» и «Формаслов», но спор касался коммуникации с читателем, а не литературы.

Без идеологии, без иерархии, без борьбы — этот образ литературного процесса, да что там, просто литературной дискуссии для меня нов. Думаю, это затишье временное, и продлится оно до тех пор, когда новое поколение и новые литературные силы осознают, что грозит уже им — а не толстым журналам. Но, какие бы опасности ни принесло будущее, мне радостно, что обозначена точка невозврата в мир закрытости и элитарности. Литература в рамках конференции предстала не как поле власти, которое надо поделить и удержать, а как поле возможностей, которое каждый участник способен преобразить.

Вот, скажем, критик и блогер Владимир Панкратов организовал премию «ФИКШН35» — для писателей до тридцати пяти. По сути он предложил авторам своего поколения выбрать то, что представляет их в литературе и отражает их взгляд на современность. Премия безденежная — но с чередой продолжительных публичных дискуссий, каждую из которых можно посмотреть в Сети. Авторы и жюри до тридцати пяти — но длинный список хочется читать вне зависимости от поколенческих установок. Как это работает? Неужели дело только в том, что пришло наконец поколение, утверждающее не столько себя — сколько ценности литературы? В дискуссии на объявлении шорт-листа премии мне понравился акцент на вопросы художественности.

Еще одна премия, изменившая литературное поле, — «Поэзия», скоординированная Виталием Пухановым. И в ней так же, как в «ФИКШН35», сама идея и лист номинантов важнее итогов. Предложение судить поэта по одному только стихотворению в перспективе возвращает поэзию читателю, который выбирает своего автора не по книге или подборке — а вот так, открыв наугад и прочитав стихотворный текст на несколько вдохов.

Полемика, развернувшаяся в Фейсбуке вокруг премии «Поэзия», стала для меня самой плодотворной на поэтическом поле. Началось вроде бы с частных: поэт

1. Каковы для Вас главные события (в смысле — тексты, любых жанров и объемов) и тенденции 2019 года?

Евгений Никитин заявил, что попробует отдельными постами выкладывать разборы стихов, номинированных на премию; координатор премии Виталий Пуханов выразил неудовлетворенность суждениями, высказанными в рамках этих разборов, предположив, что Никитин ставит иных номинантов под удар критики. Защитить поэзию от критики, впрочем, не получилось: напротив, в результате этой битвы двух друзей родился новый — и уже читаемый и почитаемый — критик Никитин, который завел блог о стихах в Телеграме, а в этом блоге открыл возможность публичной о стихах дискуссии. И снова это история о том, как одиночка меняет соотношение сил и наши представления о возможностях в литературной игре. И снова это история без идеологии — потому что речь не о противостоянии лагерей и сообществ, а о том, как изъяснить поэзию читателю, как вообще читать, оценивать и понимать стихи.

В этом смысле знаковая победа в новой премии для критиков «Неистовый Виссарион» — критика с кристально деидеологизированной позицией. Ольга Балла в самом деле сейчас один из ведущих критиков: по работоспособности, по глубине понимания чужого слова, по широте критических интересов, — но в публичном поле ее образ лишен идейной нагрузки и потому не так заметен, как, например, образ Галины Юзефович, назначенной словно бы воплощением задач критики в глазах современного читателя.

Знак продуктивного слома иерархий — затеплившийся интерес крупных издательств к поэзии. В этом году в АСТ вышел увесистый том избранных стихов Инги Кузнецовой «Летяжесть», а в «Эксмо» под началом Юлии Селивановой выпущена антология современной любовной лирики «Кровь — любовь» (составитель Сухбат Афлатуни).

Из книг, вдохновленных национальным контекстом, отмечу дебютный роман Стеллы Прюдон «Дедейме» — семейную драму из жизни горских евреев. Обратила внимание на зарождающееся направление терапевтической литературы: на стыке самоанализа, манифеста и остросюжетной драмы — роман «Рюрик» Анны Козловой и вышедшая на излете года первая взрослая книга детского поэта Юлии Симбирской «Заяц на взлётной полосе». Неизбежным признала выбор победителем «Ясной поляны» Сергея Самсонова с его романом «Держаться за землю»: жюри угадало главное направление, вплотную приближающее художественное слово к описываемой реальности, — однако в самом романе вневременное дыхание земли и вещей показалось мне убедительнее живых историй людей, захваченных донбасской войной. Занятым показался роман Алексея Сальникова «Опосредованно», словно бы восстанавливающий утерянные права поэзии — и, шире, художественного слова — на магическое преображение человека и мира; жаль только, что из трактата о том, как писать стихи, роман скоро скатывается в поэзию бытописания, знакомую нам по «Петровым в гриппе». Книгой года хотела бы назвать долгожданное избранное Дениса Осокина «Огородные пугала с ноября по март»: тексты в книге не новые, но доказавшие, что способны пережить многие годы и тенденции.

2. Удалось ли прочитать кого-то из писателей «ближнего зарубежья»?

3. Наиболее продуктивные литературные полемики и дискуссии этого года.

Алексей Саломатин, литературный критик (г.Казань)

Произведение искусства в эпоху его практической невозможности

Настоящий, некалендарный двестишедевятнадцатый начался по старому стилю — с известия о закрытии «Ариона». Символична — то ли многозначительное совпадение, то ли не без горькой иронии умысел — уже сама дата: камертоном на грядущий год эта новость стала именно для тех, кто верен старине. Не потому, что солнце было зеленее (*изумрудных солнцев нет* — гр. Дм.Хвостов, «Ода к музам»), а потому что у *будущего будущего нет*.

Примечательно, что на суетных проводах журнала в Доме русского зарубежья молодежи почти не было, а из тридцатилетних — едва не сплошь приезжие. Молодежь взапуски ликовала в интернете, отмечая очередной праздник непослушания и по-детски радуясь «исчерпанности института толстых журналов»...

Когда в начале года я по горячим следам обмолвился о торжестве дилетантизма (<http://cavalry.voplit.ru/january2019#rec86397409>), я если и мог, то не хотел думать, что к концу года последовательный курс на безответственность и станет, пожалуй, пресловутой главной литературной тенденцией.

Восставшие массы требуют сделать им уже не красиво, а прикольно, а общество спектакля оборачивается массовой комиксой.

Апология неизбежного прогресса и аналогия с Гуттенберговым переворотом не работают: на наших глазах не просто меняется способ ретрансляции и репрезентации — происходит необратимая подмена означаемого.

Поэт ***, раздражаясь на самого себя, поделился как-то в частной беседе: по молодости он высокомерно предпочитал импрессионистов условному Репину и лишь с возрастом понял, что в рамках импрессионизма невозможно написать, скажем, «Возвращение блудного сына».

Есть эстетики (техники, практики, методики и т.д.), полагающие заведомые границы высказыванию. Либо отменяющие его возможность в принципе. И агрессивно навязываемый ныне формат бытования слова неотвратимо ведет к обесмысливанию высказывания как такового, а следовательно — всякой полемики, риторики, поэтики...

Все происходящее до ужаса напоминает эпизод известного сериала, в котором мультипликационный медведь-матершинник дослужился до предземшара. Похоже, прозорливец Дон Кихот, атакуя месящие пустоту ветряные мельницы, уже тогда понимал, что нет врага, страшнее виртуального, ибо он неуязвим именно в силу своей кажимости.

Тем отраднее исключения из общей, увы, безрадостной, картины.

Взять ту же назло всему разменявшую девятый десяток «Дружбу народов» — салютую юбиляру чреватой крепости чаем, под который пишутся эти глубоко полуночные строки (писано в 2019-м), — на чьих страницах появился фрагмент

1. Каковы для Вас главные события (в смысле — тексты, любых жанров и объемов) и тенденции 2019 года?

романа Ольгерда Бахаревича «Собаки Европы», вышедшего вскоре в издательстве «Время» и ставшего для меня, пожалуй, главной прозаической книгой года.

Можно, конечно, порадовавшись сочному языку и искусной композиции, попенять на то, что книга в итоге остается замкнутой на самой себе и представляет собой некую самозабвенную демонстрацию силы, пусть недюжинной, но разве не такова и должна быть изящная, прости Господи, словесность, дарящая чистую радость чтения и остающаяся приятна, сладостна, полезна, как летом вкусный лимонад?

Книги же избранных переводов Гонгоры «Поэма Уединений; Сказание о Полифеме и Галатее; Стихотворения» (издательство Ивана Лимбаха), кажется, вообще не могло быть — она смотрится каким-то чудесным артефактом из параллельного мира непобежденной культуры. Павлу Грушко удалось почти невозможное — во-первых, не в ущерб глубине живо и заразительно представить публике не самого простого поэта, а во-вторых, не просто провести филиграннейшую работу со словом (я, честно говоря, не припомню, когда в последний раз испытывал такое эстетическое наслаждение от чтения переводной поэзии), а создать *русского Гонгору* — в том смысле, в котором мы говорим о *русском Гомере* или *русском Джойсе*. Это ли не триумф переводчика?

Авторское собрание стихотворений Олега Чухонцева с присовокуплением трех эссе о поэзии «и звук и отзвук: из разных книг» (издательство «Рутения») на момент написания этого отклика еще не покинуло типографию, потому непроизвольно сбиваюсь на анонс. Прослеживая творческий путь поэта от ранних опытов к позднейшим, читатель познакомится не только с неизвестными редакциями хорошо знакомых стихотворений (тут особенно отличились «Поэт и редактор» и «Прощание со старыми тетрадами», а «В нашем городе тишь да гладь...» внезапно ошарашивает чуть ли не цитатой из Олейникова), но и с текстами, не входившими в книги и до поры рассыпанными по альманахам либо не публиковавшимся вовсе. И что примечательно — многие стихотворения, отвергнутые автором в свое время, сделали бы честь избранному иному стихотворца.

Вообще, всех виновников сегодняшней подборки роднит взыскательность к себе и ответственность перед читателем и словом.

За ответственность, пожалуй, я и осушу свой бокал чаю, пока тот ещё не остыл.

(Окончание в следующем номере)

-
2. Удалось ли прочитать кого-то из писателей «ближнего зарубежья»?
 3. Наиболее продуктивные литературные полемики и дискуссии этого года.